

Рука Чжун Цзяньго задрожала, по всему его телу побежали мурашки, и он чуть не перевернул чашу на лицо Санвы:

— Сун Чжаоди, могу я спросить, какая ты настоящая?

— Нынешняя я — самая настоящая, — ответила девушка. — Ты ведь перед своими солдатами не такой же, как сейчас, не так ли? И перед командиром дивизии Лю и старшими по званию ты тоже другой. У людей много сторон, не задавай таких глупых вопросов в будущем.

— Вы что, ссоритесь? — внезапно сказал Дава.

Сун Чжаоди повернулась к нему, улыбнулась и сказала:

— Нет. Мы обсуждаем проблему, но у нас разные мнения.

Заметив, что Санва допил молоко, она хотела забрать ребенка себе на руки, но, посмотрев на пренебрежительное лицо Чжун Цзяньго, тихонько рассмеялась и позволила ему держать ребенка в одной руке, а другой есть.

После ужина Сун Чжаоди взяла к себе Санву и попросила Чжун Цзяньго почистить горшки, вымыть посуду, сварить кашу для троих детей и искупать старшего и второго сыновей.

Когда Сун Чжаоди кормила младшего ребенка кашей, Чжун Цзяньго, вымыв двух сыновей, спросил:

— Больше работы нет?

— Есть, — Сун Чжаоди кивнула в сторону колодца с водой. — Подгузники Санвы еще не постираны. Кстати, наруби дров.

Глаза Чжун Цзяньго потемнели, и он подвинул скамейку, чтобы сесть напротив девушки:

— Сун Чжаоди, нам действительно нужно поговорить.

— Хорошо. Дава, Эрва, вы не хотите спать?

— Нет, — ответил старший ребенок.

— Если нет, то иди и поиграй немного с друзьями, — сказала Сун Чжаоди. — Вернись до 20:30, и завтра тебе снова можно будет выйти.

Дава, который уже целый день не мог выйти поиграть, был вне себя от радости и потянул Эрву на улицу, не обращая внимания на то, о чем говорят его отец и мачеха.

— Чистить кастрюли и мыть посуду я могу, кормить Санву - тоже, — сказал Чжун Цзяньго. — Но чтобы я еще и стирал, Сун Чжаоди, это уже слишком.

— А разве не ты стирал вчера вечером? — подняла бровь Сун Чжаоди.

— Это потому, что я знал, что ты устала от поездки на поезде, — ответил Чжун Цзяньго.

Сун Чжаоди понимающе кивнула:

— Тогда постирай одежду себе и своим сыновьям. Тебе не нужно стирать мою одежду.

— Я не это имел в виду, — поперхнулся Чжун Цзяньго.

— Тогда что ты имеешь в виду? — Не дожидаясь его ответа, Сун Чжаоди сказала: — Я забочусь о троих детях, готовлю три раза в день и подаю вам четверым достаточно еды и питья, а ты требуешь постирать вашу одежду? Чжун Цзяньго, ты перегнул палку.

Чжун Цзяньго открыл рот после долгих раздумий:

— С древних времен мужчины отвечали за внешнюю сторону, а женщины — за внутреннюю, и стирать и готовить должны вы, женщины. Посмотри на невестку Дуань на востоке, на невестку Чэнь на западе, кто из них не стирает, не готовит, не присматривает за детьми, почему ты не можешь делать это?

Сун Чжаоди легко улыбнулась:

— Потому что не я рожала твоих трех сыновей.

— Ты... — Чжун Цзяньго запнулся и сильно похлопал себя по груди, чтобы восстановить дыхание. — Ты не это говорила прошлой ночью.

— Я сказала, что буду хорошо заботиться о твоих детях. Разве Дава и Эрва сказали, что я морю их голодом? Нет. Санва пьет молоко и ест молочную кашу. Разве мог он так хорошо питаться, когда здесь была его родная мать? То, что было раньше, и что происходит сейчас, — совершенно несравнимо. Меня не проведешь, вы трое сегодня съели все жареные баклажаны, так что я

могу сказать, что раньше вы питались не очень хорошо.

— Какое зло я совершил в своей прошлой жизни? — У Чжун Цзяньго разболелась голова. — Пригласил такого большого Будду, как ты.

— Надо спросить, сколько хороших поступков ты совершил в своей предыдущей жизни, что я выбрала тебя в этой.

— Этому обычно учила тебя мать? — недоверчиво спросил Цзяньго.

— Конечно же нет, — ответила Сун Чжаоди. — За день до того, как мы получили сертификат, моя мама сказала мне, что, когда мы прибудем на остров Вэньчжоу, я должна хорошо заботиться о тебе, заботиться о нескольких детях и не позволять тебе беспокоиться о своей семье. Но почему? Эти трое не связаны со мной кровными узами, и они могут даже возненавидеть меня, когда вырастут.

— Ты не должна быть такой неразумной, — сказал Чжун Цзяньго. — У тебя такой вид, не говоря уже о консервативной деревне, даже если бы ты вышла замуж в большом городе, то в глазах соседей ты была бы лентяйкой, которую муж должен бить три раза в день.

— Верно, — приподняла бровь Сун Чжаоди. — В нашей семье появился зять, но стирка и готовка по-прежнему остаются обязанностями моей сестры. Я спросила ее, почему она не попросила зятя постирать белье, на что она ответила, что нет таких мужчин, которые стирали бы.

— Твоя сестра права, — сказал Чжун Цзяньго.

Сун Чжаоди пристально посмотрела на него:

— Жаль, что человек, на котором ты женился, — это я, а не моя сестра. Именно потому, что я не хочу быть такой же усталой, как она, я и решила выйти за тебя замуж. Никто не отказался, верно? Чжун Цзяньго, не обижайся, что я так удачно вышла за тебя замуж, кто должен обижаться, так это я.

— С тобой не поступили несправедливо, — вспыхнул Чжун Цзяньго.

— Ты уверен, что хочешь развестись со мной?

Чжун Цзяньго печально подпер голову рукой и вздохнул:

— Я, Чжун Цзяньго, трижды в своей жизни не смог разобраться в людях, и все они женщины. Что у меня за судьба такая?

— Ты не можешь винить судьбу, — сказала Сун Чжаоди. — Это ты слепой.

Чжун Цзянь закатил глаза и язвительно сказал:

— Это правда, что я слепой. Если бы я не был слеп, ты бы меня не одурачила.

— Не вздыхай, — сказала Сун Чжаоди. — Если тебе удалось найти такую мачеху, как я, для своих трех сынишек, ты должен быть несказанно счастлив.

— Да, я должен быть несказанно счастлив, — Чжун Цзяньго посмотрел на грудку одежды у колодца, его лоб болезненно запульсировал. В прошлом во время послеродового отдыха Бай Хуа тоже не стирала одежду, все делала бабушка Давы.

— Командир дивизии сегодня неожиданно сказал, что я родной сын владыки Неба, подброшенный к приемным.

— Командир дивизии мудр, — удивилась Сун Чжаоди.

— И говорил, что ты полная и задыхаешься при подъеме, — тут же оборвал ее Чжун Цзяньго. — Перейдем к делу. Ты нравишься Даве и Эрве, и я не хочу снова начинать искать им мать. Скажи честно, за те три года, что ты училась в Биньхайском университете, ты сделала что-нибудь необычное?

— Поиск партнера считается? — спросила Сун Чжаоди.

— Не считается, — ответил Чжун Цзяньго. — Не пытайся снова одурачить меня. Вышестоящая инстанция хочет поручить тебе важную задачу и вскоре отправит кого-нибудь в Биньхай, чтобы проверить тебя. Если ты действительно сделала что-то плохое, скажите мне заранее, и я поговорю с командиром дивизии или комендантом.

— Я женщина с тремя детьми, какое важное дело можно мне поручить? — смерила мужчину взглядом Сун Чжаоди. — Чжун Цзяньго, ты меня обманываешь?